

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

МОСКОВСКИЙ
ИНКВИЗИТОР

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *А. Старикова*

В оформлении обложки использован коллаж
художника *Валерия Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Московский инквизитор / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-101694-4

Высокопоставленный чиновник Николай Егоров подозревается в совершении крупного экономического преступления. Заведено уголовное дело, но Егоров не сильно переживает. Он уверен, что деньги и связи помогут ему выйти сухим из воды. Когда же чиновник узнает, что расследованием будет заниматься полковник Лев Гуров, от его уверенности не остается и следа. Ведь всем известно, что откупиться от принципиального московского сыщика невозможно. Но что делать? Не садиться же в тюрьму в самом деле... Егоров разрабатывает хитроумный и коварный план. Он направляет на Гурова «инквизиторов» из Управления собственной безопасности...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-101694-4

Пятница

Бабье лето в этом году отменили. Вместо высокого, пронзительно-голубого, прозрачного неба и ласкового, нежаркого солнца над головой нависали темно-серые, унылые и навевавшие тоску облака, постоянно плачущие то мелким нудным дождичком, то затяжными буйными ливнями. Да и под ногами было не лучше: вместо яркого, весело шуршащего осеннего разноцветья ходить приходилось по грязной липкой каше из опавших листьев и мусора. Одним словом — слякотная осень.

А вот собравшимся в этот вечер в особняке министра правительства Московской области Николая Владимировича Егорова по случаю дня рождения его супруги гостям все немилости погоды были до самой высокой лампы: в столовой ярко горели люстры, раздавался звон бокалов и беззаботный смех новых хозяев жизни и лиц, к ним приближенным. Тот факт, что хозяин дома находил-

ся под следствием и подпиской о невыезде из-за возбужденного против него уголовного дела о финансовых махинациях, никого не волновал, и самого Николая Владимировича в первую очередь — не он первый, не он последний. Среди тех, кто сидел сейчас с ним за одним столом, многие побывали на его месте, и ведь обошлось — для того и существуют адвокаты, чтобы вытаскивать клиентов, только скупиться на них не надо. Да и полицейские тоже кушать хотят. Правда вот, аппетиты у всех разные в зависимости от занимаемого положения, но это тоже дело совсем обычное. Как говорится, не подмажешь — не поедешь. Точнее, если не подмажешь, то поехать можно как раз очень далеко и надолго. Но Егоров был уверен, что это не его случай — он уже занес в некоторые высокие кабинеты пухлые конверты и получил твердые заверения в том, что лично ему ничто не грозит и дело спустят на тормозах. Так что в этот праздничный вечер его настроение ничто не омрачало.

Веселье было в самом разгаре, когда к нему подошел один из охранников и прошептал на ухо:

— Николай Владимирович, к вам пришел человек на костылях. А вы предупреждали...

— Все правильно, — тихо сказал Егоров, мгновенно став серьезным. — Проведи его в мой кабинет.

Охранник ушел, а Егоров поднялся из-за стола, мило улыбнулся гостям и сказал, что оставит их на несколько минут, чтобы решить кое-какие домашние проблемы.

Когда он вошел в кабинет, там его уже ждал очень просто одетый худощавый мужчина неопределенного возраста, его костыли были прислонены к столу.

— Что-то случилось? — спросил Егоров, на что мужчина только глянул в его сторону и отвернулся. — Прости, глупость сказал. Должно было случиться нечто из ряда вон, чтобы ты пришел. Ты же сам говорил, что нас никто и никогда не должен видеть вместе. Так, что именно произошло?

— То, что в твоем деле непонятно как и непонятно откуда вдруг появился след, который, если его не оборвать, приведет к некоторым неприятным случайностям с летальным исходом, произошедшим с некоторыми людьми. А ведь я тебя предупреждал, что не стоит так увлекаться, достаточно было просто напугать, — ровным голосом напомнил гость и недоуменно спросил: — Ну, откуда в тебе эта кровожадность?

— Этого не может быть! — растерянно пробормотал Николай Владимирович. — Тут даже под лупой никто ничего не найдет!

— Этот найдет! — уверенно заявил гость. — Мне недавно позвонил человек, которому ты дал для связи мой номер телефона,

и сказал, что принято решение подключить к расследованию твоего дела группу полковника Гурова. Причем кандидатура эта предложена сверху, и предложена так, что отказаться было невозможно.

— Черт! Значит, придется опять платить! Когда уже они нажрутся? — помотал головой Егоров.

— Не придется, — усмехнулся гость. — Он не берет.

— Все берут! — уверенно заявил Николай Владимирович.

— Этот — исключение, — не менее уверенно сказал гость. — И надавить на него тоже невозможно. Ты знаешь, что я периодически общаюсь с некоторыми людьми?

Егоров кивнул и удивленно пожал плечами:

— И охота тебе со всякими уголовниками якшаться?

— Во-первых, они бесценный кладезь нужной информации, а во-вторых, нужно же представлять себе, как живут люди по ту сторону закона, вдруг и самим придется там оказаться, — заметил гость.

— Типун тебе на язык! — буркнул Егоров и поплевал через левое плечо.

— От тюрьмы и сумы... Ну, и далее по тексту, — усмехнулся гость. — Но я это к тому, что они очень хорошо знают Гурова и много мне о нем рассказали. Так вот, полковник

этот из-за своей честности в большом авторитете по обе стороны закона. Характер у него тяжелый, а хватка мертвая. Если уж он во что-то вцепится, то не отступит, пока до конца все не выяснит.

— И уголовники его за это уважают? — рассмеялся Николай Владимирович.

— Его уважают за то, что слово он свое всегда держит и еще никогда в жизни ни на кого, даже самого отъявленного негодяя, лишнего не навесил, — объяснил гость.

— Тогда, может быть, его проще убрать? — предложил Егоров.

— Опять ты за свое! — вздохнул гость. — Ну, просчитывай ты ситуацию хоть на несколько ходов вперед! — И стал втолковывать Николаю Владимировичу, как учитель двоечнику-второгоднику: — Во-первых, сделать это некому, причем по твоей же вине! Я что предлагал? Оставить человека на достойном пособии, объяснив ему, что работы больше нет, а ты решил вопрос кардинально! Зачем? — Егоров отвернулся и ничего не ответил. — Да, он стал строить из себя невесть что, напускал туману и загадочности, но никогда не сказал бы ничего лишнего, потому что получить пожизненный срок никому не хочется. Ладно! Что сделано, то сделано и обратно не вернуть. А ни времени, ни возможности найти надежного исполнителя для этого дела у тебя нет. К тому же убить Гурова

очень сложно — некоторые неразумные люди не раз пытались это сделать, только часть из них уже на том свете, а остальные кушают не то, что хотят, а то, что им дают, и делать это будут еще очень долго. Для нас сейчас важно то, что Гуров пока ни о чем не знает, ему обо всем сообщат только в понедельник, так что у нас в распоряжении есть два дня. Если же Гурова убьют после того, как он уже подключится к твоему делу, — это прямая дорога к тебе. Тебе это надо?

Николай Владимирович продолжал сидеть за столом, отвернувшись, чтобы гость не видел, как зло скривились его губы — эта нотация выводила его из себя, но он ничего не мог возразить, и это бесило его еще больше. А гость тем временем продолжал:

— Скажу тебе больше, коллеги очень не любят Гурова за его независимость, ум, выдающиеся аналитические способности, потому что никто не любит тех, кто умнее, а Гуров из-за своего характера даже не скрывает своего отношения к тем, кого считает глупее себя. У него есть всего несколько друзей и только! Но! Если его, живую легенду МУРа, убьют, то на поиски его убийцы бросятся все! И не успокоятся до тех пор, пока не найдут! Так что твое предложение считаю нерациональным!

— Ну, тогда предложи что-то рациональное! — огрызнулся Егоров.

— А я уже все продумал, — небрежно заявил гость, и Егоров, вздрогнув, быстро повернулся к нему.

— Ну так что ж ты мне душу мотаешь? — с сердцем сказал он. — Сколько?

— Ты сначала выслушай, а потом будем решать, — задумчиво сказал гость и, помолчав, начал рассуждать: — Для нас главное, чтобы Гурова НЕ подключили к твоему делу. Если его кандидатура отпадет, то с остальным все будет просто — каналы у тебя налажены. Поэтому самый надежный вариант — скомпрометировать Гурова, причем так, чтобы им занялась служба собственной безопасности. Тут уж он надолго завязнет.

— Ты говори, что делать надо! — нетерпеливо потребовал Егоров.

— Я тут навел о нем справки и выяснил, что служба собственной безопасности уже вплотную интересовалась Гуровым, но тогда он выскользнул. И им это очень сильно не понравилось.

— Ты же говорил, что он не берет, — воскликнул Николай Владимирович.

— Гуров не берет, но! Как достоверно известно, по окончании следствия некоторые люди его благодарили, но преподносили подарки не ему лично, а его жене, актрисе Марии Строевой. Джип «Лексус» последней модели, шубки, бриллианты... Может быть, что-то еще, но я об этом просто не знаю.

— То есть по факту, — уточнил Егоров.

— Да! — кивнул гость. — Совсем недавно Гуров закончил дело некоего Александрова, которого обвиняли во всех смертных грехах, и ему могло светить даже пожизненное. Но Гуров доказал его непричастность к тяжким преступлениям, и Александров получил только за свое. Таким образом, если тайком подсунуть его жене якобы от Александрова какой-то ценный подарок и сообщить об этом в службу собственной безопасности, то в отношении Гурова начнется служебное расследование. На это время он будет отстранен от службы и, таким образом, твоим делом заниматься не сможет. Вот тебе очень элегантный, а главное, бескровный метод решения вопроса. Самое главное, чтобы эта вещь никак не была связана с тобой, чтобы при самом тщательном расследовании к тебе даже тонюсенькая ниточка не привела.

— Так что же ей подсунуть и как? — Поняв, что его проблему гость, как всегда, решил, Егоров вздохнул с облегчением.

— Как — я уже решил, — отмахнулся гость и объяснил: — У нее завтра премьера, цветов ей подарят море. Нужно будет просто положить эту вещь в корзину с какими-нибудь дорогими цветами, где ее потом и найдут, причем с запиской от Александрова. Вот пусть потом Гуров и объясняется со службой собственной безопасности. Давай думать, что

это будет конкретно. Вещь должна быть небольшая, но очень дорогая и необычная.

— Можно что-то из драгоценностей жены, — предложил Егоров, и гость, возведя глаза к потолку, застонал. — Понял, не подумал, — пошел на попятную Егоров и, помолчав, воскликнул: — А если просто деньги?

— Кого сейчас этим удивишь? — хмыкнул гость. — Нет, это должно быть нечто особенное! Чтобы народ ахнул и сказал: «А Гуров-то, оказывается, еще как берет! Только по мелочам не работает! Уж хапает так хапает!» Оптимальный вариант, чтобы вещь была... — он задумался. — Ну, с душком! Только вот искать ее времени нет.

Егоров поднялся и начал расхаживать по кабинету, а гость сидел, откинувшись на спинку стула, и равнодушно рассматривал картину на стене — он свое дело сделал, пусть теперь Егоров себе голову ломает. Наконец Николай Владимирович, остановившись перед гостем, сказал:

— Есть у меня такая вещь. И дорогая, и с душком. — Гость внимательно смотрел на него, ожидая подробностей, и тот, помолчав, продолжил: — Ты же знаешь, чем занимался мой отец?

— С законом не дружил, — заметил тот.

— Короче, перед переездом в Москву я продал дом с участком, и покупатели потребовали, чтобы я все оттуда сам вывез. Они со-

бирались делать капитальный ремонт, так что им одни только голые стены и требовались. Ну, и заодно сарай освободил — они там на время ремонта жить собирались. Вот там-то я в ящичке с инструментами одну вещь и нашел. Отец гвозди, шурупы, гайки и все прочее по жестяным коробкам из-под халвы, леденцов и чая держал. Сам не пойму, зачем я их открывать стал, — пожал плечами Егоров. — Ну, в общем, в одной из коробок она и лежала, в газету завернутая. В нашей семье этой вещи никогда не было и быть не могло, так что папаша ее у кого-то увел, но вот у кого, теперь уже у него не спросишь — мне четырнадцать было, когда он погиб. Я ее никогда в жизни никому не показывал — понимал же, что ворованная.

— То, что ворованная, это прекрасно, но действительно ли она дорогая? — уточнил гость.

— Камешки в ней точно настоящие, потому что я проверял — стекло режут, как нож масло.

— То, что надо, — удовлетворенно заметил гость. — Дорогая, ворованная и к тебе никакого отношения не имеет. — И, наконец, заинтересовался: — А что это?

— Сейчас покажу, — пообещал Николай Владимирович.

Он достал из сейфа жестяную коробочку из-под карамели, открыл, и там, по-прежне-

му завернутый в старую газету, лежал некий предмет. Он вытряхнул его на стол, развернул пожелтевшую газету, и в кабинете вдруг словно стало светлее — это вспыхнули камни в небрежной кучкой лежавшем украшении. Гость расправил его, и оказалось, что это кольцо из крупных изумрудов в обрамлении бриллиантов.

— Пойдет, — просто сказал гость и поинтересовался: — Не жалко?

— Знаешь, — подумав, сказал Егоров, — папаша у меня дураком не был и городских барыг не понаслышке знал, но раз он не решился эту штучку сбагрить, значит, опасался чего-то. Может быть, за ней и убийство стоит. Она у меня уже давно без толку лежит, и если ты гарантируешь, что твоя идея сработает и этот Гуров до меня не доберется, то пусть хорошему делу послужит.

— А ты не забыл, как сам мне говорил, что мы в одной связке? — криво усмехнулся гость. — А что собой представляет Гуров, можешь поинтересоваться у кое-каких своих знакомых, но только после понедельника, — предупредил он. — Меня здесь никто никогда раньше не видел, а как объяснить мой сегодняшний визит, придумай сам.

Гость начал осторожно складывать кольцо, чтобы оно снова поместилось в коробку, и тут вдруг резко распахнулась дверь, и в кабинет влетела жена Егорова. Судя по виду, она уже